
НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ ПРОФЕССИОНАЛИЗМА В СВЯЗИ С СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРОЙ И СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКОЙ

Т.Х. Маршалл

В классической статье Маршалла обсуждаются основные тенденции развития профессионализма в первой половине XX века. Автор говорит о существенной трансформации профессионализма и обоснований специфики профессиональных услуг в связи с серьезными изменениями в социальной структуре и социальной политике. В центр внимания ставится изменение в балансе индивидуалистических и корпоративных элементов профессионального труда, связанное с современным развитием социальных служб и их профессионализацией. Автор отмечает перенос акцентов со следствий профессионального труда для профессионала на следствия его для получателя профессиональных услуг, с идеи свободы на идею служения и этических обязательств, с долга перед клиентом на долг перед сообществом. Он делает вывод о социализации профессий и профессионализации социального обслуживания. Хотя эти тенденции устанавливаются автором в опоре на британский материал, он считает, что эти же принципы должны так или иначе проявляться и в других современных обществах.

Ключевые слова: занятия, ремесла, профессии, профессиональная услуга, отношения доверия, профессиональный индивидуализм, ответственность, социальные службы, социальное благополучие, социализация профессий, государство, социальная структура, социальная мобильность

Перевод впервые опубликован в книге: Маршалл Т. Х. Избранные очерки по социологии. Сборник переводов / РАН ИНИОН. Центр социальных научно-информационных технологий. Отдел социологии и социальной психологии. Сост., пер. с англ. В. Г. Николаев; отв. ред. Л. В. Гирко. М.: ИНИОН РАН, 2006. С. 238–259.

Профессии, понимаемые как избранная совокупность высших занятий, существовали с незапамятных времен, хотя о том, что в них входит, говорили по-разному. О них писали и спорили древние [Neurath, 1906. S. 577], а Герберт Спенсер проследил их зарождение у примитивных народов [Spencer, 1896]. Самый ранний взгляд, которому нам необходимо уделить здесь внимание, состоял в том, что судить о занятиях и оценивать их следует исходя из их совместимости с достойной (good) жизнью. Критерием оценки служили их следствия для того, кто оказывал услугу, а не для того, кто ее получал. Профессии были, как выражаются англичане, занятиями, подходящими для джентльмена. Эта идея, естественно, процветала в обществах, в которых проводилось резкое различие между жизнью, проживаемой ради нее самой, и жизнью, проводимой в обеспечении средств, позволяющих другим жить так, как должны жить свободные цивилизованные люди. Профессиями в таком обществе являлись те способы заработка, которые были наиболее безвредными, то есть не оупляли мозг, как физический труд, и не растлевали душу, как коммерция. В них даже содержались качества и добродетели, вполне способные занять место среди целей достойной жизни. Досуг, в основе которого лежало владение землей или рабами, был главным признаком аристократии, и здесь профессии мало в чем ей уступали. Ибо досуг не означает праздность. Он означает свободу выбирать виды деятельности в соответствии с собственными предпочтениями и собственными стандартами того, что является наилучшим. Профессии, как уже было сказано, наслаждались этим видом свободы, и не столько потому, что были свободны от контроля со стороны работодателя – это разумелось само собой, – сколько потому, что в их случае выбор не был ограничен экономическим давлением. Говорили, что профессионал не работает для того, чтобы ему платили, а ему платят для того, чтобы он мог работать. Каждое решение, принимаемое им в ходе его карьеры, базируется на ощущении правильности, а не на оценке прибыльности. По крайней мере, такое впечатление он хотел бы создать, отстаивая свое притязание на высший статус.

Профессиям было трудно удержать эту позицию. На их дилемму указал еще Адам Смит: «Мы доверяем наше здоровье врачу, а наше состояние и иногда нашу жизнь и репутацию – юристу и адвокату. Такое доверие нельзя без риска оказать людям, находящимся в очень бедственном или низком положении. А следовательно, и вознаграждение их труда должно быть таким, чтобы давать им в обществе ранг, ко-его требует столь важное доверие» [Smith, 1930. P. 107]. Иными словами, профессии уважаемы, поскольку не борются за деньги, но могут оставаться уважаемыми лишь при условии, что им удастся, несмотря на равнодушие к деньгам, получать их достаточно мно-

го, чтобы хватало на нужды джентльменской жизни. Деньги должны поступать как почти непрощеное признание их неоценимых услуг. И Адам Смит отнюдь не прибавил им спокойствия, классифицировав их как «непроизводительный труд»; многие простые люди, столкнувшись с необходимостью нанять юриста, без колебаний согласились бы с этим суждением.

Но с тех пор условия изменились. Досуг больше не является признаком аристократии в тогдашнем смысле, да и коммерция уже не предосудительное занятие. Досуг, конечно, все еще важен как детерминанта социального статуса, но он больше не описывает то духовное качество свободы, которое пропитывает собою всю деятельность человека, а означает лишь способ, которым тот тратит свои деньги, когда дневные труды закончились. Способ зарабатывания денег значит все меньше. Значение имеет их количество. Досуг делового человека так же хорош, как и досуг любого другого, поскольку досуг — всего лишь антитеза работе [Durant, 1938]. К тому же он может отдать дань былым идеям, купив полную праздность своей жене и став полным и подлинным праздным джентльменом после отхода от дел. Профессионалу пришлось встать на другую основу. Ему пришлось признать, что труд его так же тяжел, как труд работяги, — и даже гордиться этим фактом, — но вместе с тем утверждать, что это труд особого, высшего сорта. В определении его специфики акцент сместился со следствий услуги для того, кто ее оказывает, на следствия ее для получателя, или, точнее говоря, на отношение между ними. Идея служения стала важнее идеи свободы. Какие-то профессиональные типы, представлявшие старое воззрение в крайней его форме, встречались все реже и ныне почти окончательно исчезли, как то: человек из хорошей семьи, но недостаточно состоятельный, который получал синекуру на государственной службе; неказистый член столь же родовитого семейства, не блещущий умом и характером, который дрейфовал в пределах гражданской службы с одной должности на другую, не производя ни на кого своими переходами ни малейшего впечатления; охотящийся пастор и богатый церковный плюралист; молодой аристократ, поступавший на военную службу, чтобы приятно провести время, а не ради карьеры; ученый муж, видевший в учениках досадную помеху, нарушающую покой его академической жизни; школьный наставник, считавший, что, будучи джентльменом и спортсменом, он полностью выполняет свои обязанности (экземпляры этого типажа можно еще и сейчас обнаружить в Англии). В напряженной и деятельной жизни XIX века им не нашлось достойного места. Даже в медицине, где ценность обучения и упорного труда особенно очевидна, уровень научных квалификаций падал по мере того, как эта профессия стала признавать-

ся столбовой дорогой к престижу и возможностям. Карр-Сондерс, обозревая условия, существовавшие в XVIII веке в Англии, пишет: «Врачи уже давно обосновались в верхних слоях общества и, когда научные изыскания утратили свою свежесть, присоединились к богатой жизни родовитых домов, где ценились элегантность и остроумие... Мастерство в общении стало первым требованием для членства [в Коллегии Врачей], и считалось, что освоить нужные “моральные правила и манеры” можно только в университетах» [Carr-Saunders, Wilson, 1933. P. 71]. С основанием Британской медицинской ассоциации в 1856 году и Общего медицинского совета в 1858 году этот период апатии подошел к концу.

Не может быть никаких сомнений в том, что в средневикторианской Англии профессии процветали и уважались, и своим положением они в основном были обязаны работе профессиональных ассоциаций. Принципы их политики хорошо известны, и в этой статье нет места вдаваться в детали. Во-первых, ассоциация гарантирует техническую эффективность своих членов, причем не надзирая за их работой, а проверяя их способности еще до того, как они будут допущены к практике. Это означает косвенный контроль над их подготовкой. Во-вторых, она навязывает своим членам этический кодекс, который включает обязанность оказывать услугу всегда и везде, где она нужна, предоставлять только лучшее, воздерживаться от конкуренции, рекламы и всяких коммерческих споров и уважать доверие клиента. В-третьих, она делает все, что в ее силах, чтобы защитить свою епархию от вторжения неквалифицированных (иначе говоря, наслаждается частичной монополией), поддерживать для своих членов стандарт вознаграждения и, в общем и целом, оберегать условия их труда.

Могут возразить, что все это настойчивое акцентирование служения и этических обязательств – всего лишь камуфляж, призванный скрыть сугубо корыстное желание создать искусственный дефицит и получить материальные и нематериальные выгоды, которые дефицит может принести. Вместо того чтобы напрямую работать с данными, свидетельствующими за и против этого взгляда, я предлагаю подойти к делу исподволь, спросив, является ли этический кодекс произвольной фабрикацией профессионального духа или же он отражает какие-то реальные характеристики, отличающие профессии от ремесел (trades).

Этические кодексы базируются на вере в то, что между профессионалом и клиентом существуют отношения доверия, а между покупателем и продавцом таких отношений нет. Поскольку профессии предоставляют услуги, а ремесла – товары, разница между ними очевидна. Товар может быть проверен перед тем, как будет оплачен; услуга –

нет. Принцип *caveat emptor*¹, по крайней мере, возможен, когда вы покупаете скакуна или фунт земляники, но он теряет всякий смысл, когда вы обращаетесь к хирургу в случае острого аппендицита. Однако к этому дело не сводится.

Многие услуги могут удовлетворительным образом контролироваться коммерческими договорами. Некоторые из них, такие, как услуги строителя или портного, ведут к производству товара, о котором можно судить по объективным критериям и который можно отвергнуть в случае, если он не соответствует спецификации. Но если вы привлекаете художника, чтобы он написал ваш портрет, вы должны принять — и оплатить — все, что бы он ни сделал. Если он говорит, что это его лучшая работа, вы находитесь не в том положении, чтобы ему перечить.

Другие услуги настолько стандартизированы и безличны, что их можно точно измерить, и брак в работе может быть наказан. Там, где рабочая сила нанимается массово на понедельной основе, любое несоответствие индивидуального работника предъявляемым ожиданиям быстро и без серьезных потерь исправляется увольнением. Стандартизированный труд, фактически, можно рассматривать как товар. Но с профессиями дело обстоит иначе. Не в силах человека изобрести такой контракт, который бы оговаривал во всех мелочах, исполнения которых можно законно потребовать, что именно клиент рассчитывает получить.

У этого есть две причины. Первая состоит в том, что профессиональная услуга не стандартизирована. Она уникальна и личностна. Но это верно в той или иной степени для всякого умелого труда. Профессионала отличает еще и то, что он отдает не только свое умение. Он отдает самого себя. Вся его личность включается в его работу. Вряд ли кого-то удовлетворит врач или адвокат, если нет симпатии и уважения к нему как к человеку. Он призван демонстрировать не только знание медицины или права, но также рассудительность и понимание человеческой природы. Наилучшая услуга может быть предоставлена только тогда, когда практик близко знает своего клиента, его характер, его странности, его подноготную и его семейные обстоятельства. Именно поэтому Британская медицинская ассоциация с сожалением смотрит на то, как специализация и институциональное лечение оттесняют семейного врача от его ключевого положения. Эти существенные качества не могут быть специфицированы в договоре, их нельзя купить. Они могут быть только предоставлены. Клиенты веряют профессиональ-

¹ Правовой принцип «качество на риск покупателя» (в буквальном переводе с латыни «да будет осмотрителен покупатель»), обязывающий покупателя проверять товар перед покупкой и брать на себя все риски, связанные с его приобретением. — *Примеч. пер.*

ным традициям и профессиональной этике развитие и тренировку этих качеств и обеспечение их наличия в обслуживании публики. Недоверие к женщинам-врачам, которое еще не вполне преодолено, вероятно, было обусловлено ощущением того, что у них не было возможности усвоить эти традиции. В ходе обучения они удерживались на окраинах медицинского сообщества; вдобавок к этому, влияние дома и школы, которое долгое время было направлено на развитие в мальчиках добродетелей, требуемых кодексами профессиональной этики, обходило девочек стороной или даже воспитывало в них совершенно другие качества. Каждый член рабочего класса, мечтающий о профессиональном статусе, вынужден бороться с теми же трудностями и теми же подозрениями.

С искусством, также относящимся к классу профессий, дело обстоит иначе. Художник тоже не может трудиться отстраненно и безлично, поглядывая на часы и постоянно думая о гонораре. Он тоже должен отдавать нечто, глубоко коренящееся в его природе, нечто такое, что не подвластно ни приказу, ни принуждению, ни даже подкупу. Но в его случае это не способность к трезвому суждению, не безукоризненная честность, не разумное знание жизни и дел. Это его творческий гений.

Установка клиента по отношению к юристу примерно такая. «Я прошу вас, — говорит он, — быть моим мозгом в этом деле. Я хочу, чтобы вы думали и судили за меня, потому что у меня нет специального багажа, чтобы думать и судить самостоятельно. Но, пожалуйста, поступайте точно так же, как поступал бы я, если бы разбирался в праве». Следовательно, юрист — а здесь я имею в виду скорее солиситора, нежели барристера, — должен обладать качествами обычного человека, не отягощенного обычными слабостями. Он должен быть образцом непоколебимых добродетелей среднего класса. Здесь эксцентричность фатальна, и его частная жизнь должна быть безукоризненной. Художника, в свою очередь, ценят за его отличие от других, за его особенность. В нем есть искра, отсутствующая в композиции обычного человека. Для него эксцентричность — капитал. Он может процветать на скандалах. Но принцип взаимоотношений здесь тот же самый, ибо в обоих случаях должна быть вера в то, что профессионал даст нечто такое, что его нельзя заставить дать силой и нельзя обязать дать договором.

На вторую причину отношений доверия мы уже намеком указали. Это неведение клиента. Часто он вряд ли знает, чего он просит, разве что то, как это должно быть предоставлено. Он должен отказаться от всякой инициативы и отдать себя в руки своего адвоката или врача. В этом состоит огромная разница между услугами профессионалов и услугами наемных рабочих или служащих. Господство переходит от

покупателя к продавцу. Правда, современный агент по сбыту товаров тоже пытается воспользоваться господством, но делает он это иначе. Когда врач говорит: «Больше занимайтесь гимнастикой», — это приказ. Когда продавцы фруктов сообщают увещивают рекламные щиты плакатами: «Ешьте больше фруктов», — это попытка массового внушения.

Есть еще один чрезвычайно важный момент, который нужно принять во внимание, прежде чем мы сможем подытожить эту часть аргументации. Это баланс между долгом перед клиентом и долгом перед сообществом. Отношение доверия предполагает глубокую ответственность перед клиентом. Вместе с тем организованная профессия справедливо считает себя органом, отвечающим за какое-то искусство или науку и за их использование в интересах общества. Эти два обязательства могут примиряться без особых затруднений, когда подлинные интересы общества и индивида гармонируют друг с другом. Профессия исходит из того, что так оно и есть. Если же они кажутся противоречащими друг другу, то обычно это оттого, что индивид не знает, что будет для него благом. Клиент, как мы выяснили, зачастую несведущ. Господство переходит к профессионалу, который должен дать ему то, в чем он нуждается, а не то, чего он хочет. Клиент, в отличие от покупателя, не всегда прав. Виновный в преступлении хочет, чтобы его оправдали, но нужен ему справедливый суд, и именно его должен ему обеспечить его адвокат. Итак, потребность есть понятие социальное. Она может быть оценена только в связи с социальным порядком, в котором живет индивид, и профессионал, оценивая ее, должен опираться на стандарты, присутствующие в его сознании и совести и внедренные в них его подготовкой и его традициями. Иногда государство решает его проблему, издавая точное распоряжение, например, запрещая врачу делать аборт женщине, которая не желает быть матерью, но физически способна без риска для себя родить ребенка. Иногда профессия принимает то или иное правило. Однако часто профессионал должен решать сам; например, художник отказывается протитигировать свое искусство и потакать дурным вкусам публики.

Профессии не всегда держатся на высоте этих идеалов. Они не всегда нащупывают истинный баланс между лояльностью клиенту и лояльностью сообществу; иногда они трактуют лояльность профессии как цель, а не как средство для исполнения других лояльностей. Их часто винят в пренебрежении общественным благосостоянием. Говорят, что врачи проявляют слишком мало интереса к общественному здравоохранению, архитекторы — к городскому планированию, ученые — к общему образованию, а художники — к культуре масс. Это грехи недеянием.

В адрес адвокатов выдвигается и более серьезное обвинение в том, что они используют свое положение для попраania подлинного предназначения права в интересах своих клиентов и самих себя. Американские адвокаты, говорил Теодор Рузвельт, сделали «своей особой задачей разработку дерзких и хитроумных схем, с помощью которых их состоятельные клиенты, индивидуальные и корпоративные, могут уходить от законов, принятых с целью регулирования способов использования богатства в интересах общества» [Dugan, 1913. P. 50]. Было много и других утверждений в том же духе, особенно, хотя и не исключительно, в отношении юристов в США. Между тем на поверку иногда оказывается, что юристов обвиняют не в том, что они дискредитируют закон, а в том, что они поддерживают своим трудом правовую систему, которую критик не одобряет.

Позиция профессий в недавнем прошлом была занятной. Как организации они пользовались в той или иной степени групповой монополией и развивали в той или иной степени групповой дух и групповое сознание. И вместе с тем общей их установкой была установка крайнего индивидуализма, в силу которой они не сочувствовали или, по крайней мере, были равнодушны к социальному планированию. При этом они выражали сильное неодобрение в отношении конкуренции и неограниченного своекорыстия в кругу их членов. Оценивая значение этой позиции, важно выяснить истинный баланс между индивидуалистическими и корпоративными ее элементами. Профессор Ласки в недавней статье считает основными первые. Он пишет: «Индивидуалистическая организация этих профессий стала фатальной для выполнения их функции. Берусь утверждать, что они не смогут дать лучшее той цивилизации, в которой они играют столь важную роль, пока их члены предлагают свои услуги по частному найму и на продажу... При нынешнем состоянии цивилизации шансы осуществления ими как профессиями своей цели скорее падают, чем растут» [Laski, 1935. P. 656–657]. А это значит, что до тех пор, пока профессионал работает индивидуально за гонорары, выплачиваемые ему непосредственно его клиентами, его денежные интересы будут мешать выполнению им его социальных обязательств, что бы ни делали профессиональные ассоциации через этические кодексы для обуздания мотива выгоды в своих членах.

Прежде всего давайте четко уясним, каков смысл этих кодексов. Они не утверждают, что профессионал должен быть равнодушен к деньгам и не должен стремиться расширить свою практику и повысить свой доход. Они утверждают всего лишь, что он должен делать это легитимно, не ухудшая качества своей работы и не уклоняясь от предоставления тех дополнительных личных услуг, которые не могут быть специфически затребованы клиентом и не подлежат специальной

оплате. Так вот, факты не говорят о том, что этот идеал не может быть достигнут, пока профессионалы вовлечены в частную практику. Случаями, которые чаще всего приводятся как свидетельство обратного, являются модный врач-специалист и преуспевающий барристер. Тут основания для упрека есть. Возможности для делания денег в таких позициях достаточно велики, чтобы склонить кого-то к отклонению от строгих профессиональных стандартов. Однако следует заметить, что врач-специалист отличается от врача общей практики, а барристер — от солиситора, и отличие это состоит в том, что они никогда не устанавливают той тесной связи с клиентом, которая является основой подлинного профессионализма. Их внимание приковано *к случаю*, а не *к клиенту*, и, по крайней мере, медицинская профессия полностью сознает все связанные с этим опасности. О профессиях в целом было бы несправедливо говорить, как Веблен говорил о бизнесменах, что их заботит лишь товарный вид их продукции и несколько не заботит ее полезность для потребителя.

Индивидуализм, однако, может иметь и иное основание, не связанное с частной денежной выгодой. Он может означать веру в то, что индивид является подлинной единицей обслуживания, так как услуга зависит от индивидуальных качеств и индивидуального суждения, находящихся опору в индивидуальной ответственности, которая не может быть переложена на плечи других. В этом, на мой взгляд, состоит самая суть профессионализма, и связана она вовсе не с эгоистическим интересом, а с благополучием клиента. А это благополучие, как я говорил, мыслится и должно мыслиться в социальных терминах, даже если клиенты обслуживаются один за другим как отдельные единицы.

Не должен отбрасываться этот вид индивидуализма и тогда, когда услуга предоставляется группе или сообществу. В этом смысле премьер-министр индивидуалист, и такие же индивидуалисты судья или командующий армией, а также любой подчиненный, взбирающийся наверх, к божественному праву неподчинения. В этой установке нет ничего фундаментально антагонистического общественной службе или социальному планированию. Как сказал один оратор на последней конференции Британской медицинской ассоциации, обсуждая различие между частными и государственными медицинскими услугами, «разница эта состояла в том, что медицинский служащий, в обычном его понимании, был нацелен на индивидуальное здоровье через здоровье сообщества, а врач общей практики — на здоровье сообщества через индивидуальное здоровье» [British, 1938. P. 367]. Они естественные союзники, имеющие общую цель, но обстоятельства в прошлом оказались неблагоприятны для развития этого союза. У этого есть две основные причины. Первая — вполне

естественная боязнь государственного контроля. Профессия претендует на то, чтобы быть судьей в своем деле. Как только государство берет на себя контроль, оно может начать диктовать стандарты обслуживания и поработить коллективную совесть профессии. Здесь заключено гораздо больше, чем просто распоряжение трудом, ибо, как мы увидели, труд профессионала неотделим от человека. Это не праздный страх. Церквям приходилось сражаться за религиозную свободу, а университетам — за академическую свободу. Проф. Ласки настаивает, что юридическая профессия «должна стать большой корпорацией, находящейся под государственным контролем», как это имеет место в Советской России. Однако при Гитлере, говорит он, «корпус ученых профессоров, чьим призванием было бескорыстное служение истине, проявил готовность протестовать свою ученость и направить ее на цели, являвшиеся, как сотни из них знали, ничтожными и ложными» [Laski, 1935. P. 648]. Его точка зрения, видимо, такова, что государство должно контролировать профессии, но профессии в то же время должны контролировать государство. Дело это не простое, если между государством и профессиями нет согласия по фундаментальным принципам политики.

Вторая причина профессионального индивидуализма, попросту говоря, следующая. Профессионал не может расширить масштабы обслуживания; он не может, кроме как в ограниченных пределах, разделить свое мастерство между подчиненными. Он не способен к массовому производству, и ему возбраняется предлагать дешевый ассортимент для тощих кошельков.

Поскольку он работает для ограниченного рынка, не удивительно то, что он будет выбирать рынок платежеспособный и сосредоточиваться на богатом индивидуальном клиенте. Иначе говоря, он должен найти работодателя, а общая публика не организована так, чтобы суметь его нанять. Врачи, у которых всегда было сильно развито чувство общественного долга, в значительной степени обошли эту трудность за счет того, что стали предоставлять бесплатное обслуживание бедным, а жить на гонорары, получаемые от богатых, а также за счет организации неофициальных страховых схем в сельских районах, при которых сельчанин платит свой пенни в неделю, когда здоров, и получает необходимый уход, когда заболевает. Но, вообще говоря, это положение дел породило неправильное распределение профессиональных услуг с точки зрения социальной потребности в них — неправильное распределение, обусловленное экономическими мотивами в кругу профессионалов, но не обязательно предполагающее поправление того принципа, что служение нельзя приносить в жертву выгоде. Именно это, несомненно, и имел прежде всего в виду проф. Ласки. Общественная деятельность широкого масштаба стала возможна лишь тогда,

когда инициатива перешла к государству и местным властям, к государственным корпорациям и богатым благотворительным организациям. К этому времени профессии создали свою традицию индивидуализма, которая означала не столько преследование индивидуальных корыстных интересов, сколько обслуживание индивидуальных клиентов в отношениях индивидуального доверия. Поэтому они не были склонны добиваться учреждения корпоративных агентств для распределения профессиональных услуг и не испытывали желания работать на них, когда те появились. Но время внесло свои коррективы. Произошла тихая революция в социальных службах, к которой профессии адаптируются. Это не мучительный процесс, так как адаптация не предполагает отказа от основ профессионального идеала. В своем кратком описании этого изменения я буду говорить о том, что происходило в последнее время в Британии.

Социальные службы изначально были нацелены на смягчение крайней нужды и крайних страданий путем предоставления минимума, необходимого для достойной жизни. Тем, что ими предоставлялось, было по большей части то, что предоставляли бедные частные предприятия. Они не заключали в себе видения социальных проблем в сколько-нибудь новом или оригинальном свете. В идее, что они являются актами благотворительной помощи неудачникам и не должны делать ничего такого, что остудило бы порыв человека самостоятельно себе помочь, неявно предполагалось низкое качество услуг. От профессий не ожидали заинтересованности в поставке дешевых ночлежек, дешевых лекарств или дешевого образования для нуждающихся.

По мере того как политическая система становилась более демократичной, крепло чувство ответственности за социальное благополучие. Развивалось общественное здравоохранение, так как быстро вскрылась необходимость лечить не просто индивида, а среду. Это означало предоставление услуг сообществу, а не какому-то одному классу. Больницы, учрежденные по закону о бедных, постепенно инкорпорируются в общую больничную систему, а медицинские услуги, предоставляемые по схеме государственного медицинского страхования, охватывают весь класс наемных рабочих и вскоре, вне всяких сомнений, распространятся на верхние этажи социальной лестницы.

Чиновники в сфере образования стали понимать, что даже если предоставлять только начальное образование, оно должно быть наилучшим, поскольку речь идет о подавляющем большинстве детей нации. Благотворительные школы для бедных остались в далеком прошлом. Затем обрели размах общегосударственного дела среднее и специальное образование, а через эти учебные заведения дети рабочего класса полу-

чили возможность поступать в университеты, имеющие государственную поддержку. Мизерное обеспечение рабочего класса жильем сменилось расчисткой трущоб, городским планированием и региональным планированием.

История эта очень долгая, чтобы рассказывать ее целиком, и слишком известная, чтобы это делать. Существенно то, что из дешевого паллиатива, предоставляемого низшему классу в обществе, построенном на состязательном индивидуализме, социальное обслуживание превратилось в широкий согласованный план улучшения всего сообщества. Социальные службы потеряли – или быстро теряют – свой классовый характер. Ими движет дух профессионализма, в том смысле, что они не нацелены лишь на то, чтобы работа удовлетворяла ясно выраженный платежеспособный спрос, а планируют ее в свете экспертного знания социальных искусств и наук и фундаментальных принципов общественного благосостояния, сложившихся на базе накопленного человеческого опыта. Авторитет социальных служб отличен от авторитета профессий. Он опирается не только на высшее знание администраторов, но и на политическую власть, данную конституцией. Отношения доверия существенны, но основаны на принципах политического обязательства, а не на частной чести и традиционной этике.

Огромная армия профессионалов нанимается в эти службы без потери профессионального статуса, и еще большее их число сотрудничает с ними без превращения в наемных работников государства. На первый взгляд кажется, что у этих агентов социальных служб есть два основных отличия от независимых профессионалов.

Во-первых, они работают на работодателя. Но если бы это отрицало профессионализм, то из списка профессий пришлось бы вычеркнуть многие старейшие и наиболее почитаемые: военных, государственных администраторов, учителей, многих инженеров, ученых, артистов и писателей.

Во-вторых, они работают на сообщество, а не на индивидуальных клиентов. Но это, как уже было сказано, различие скорее по форме, чем по существу.

По общему признанию, ситуация опасна, когда свободной профессии приходится работать под чьим-то началом. Распоряжения начальства могут идти вразрез с совестью профессии, что особенно серьезно, когда за этими распоряжениями стоит неограниченная власть государства. Между тем я считаю, что в современных демократических обществах эта опасность скорее уменьшается, чем возрастает, ибо государство и профессии приспособляются друг к другу. Это происходит не за счет поглощения профессий государством, а посредством того, что государство и профессии движутся с противополож-

ных сторон навстречу друг другу, к некоторой средней позиции. Естественным врагом профессионализма в частной жизни является коммерциализация. Его естественным врагом в публичной жизни является политика, в худшем смысле этого слова. И та, и другая привносят внешние мотивы и неуместные ценностные шкалы в реальное дело, которым занят профессионал. В настоящее время стало общим местом, что растущая техническая сложность государственной службы смещает баланс власти от политика к администратору. Британские социальные службы пока еще не поднялись над политикой и не вышли за ее пределы, но они движутся в этом направлении, и другие демократические страны, вероятно, со временем последуют по тому же пути. До сих пор продолжаются жаркие политические споры вокруг общих предложений по реформе и некоторых их вызывающих деталей, но при этом широкие сферы действия отданы в руки администраторов и профессионалов, и в этих сферах голос политика смутно слышится как дальнее бесплодное блеяние слоняющейся без дела овцы.

В этой области столкновение идеалов маловероятно. Кооперация здесь является тесной и дружелюбной, и в Британии это во многом обусловлено профессиональным характером государственной службы. Государственные служащие не мыслят коммерческими категориями и пассивны в политическом отношении. В прошлом говорили, что это сделало их духовно выхолощенными, превратило в скопище пишущих машинок, счетных машин и штемпелей, приводимых в движение правдоподобной имитацией человеческой жизненности. Ныне это не верно и уже не может быть верным, так как государственная служба больше не является всего лишь административным органом. В значительной части своей работы, по словам д-ра Робсона, «чиновник занят не столько проведением в жизнь законов, сколько продвижением энергичных и далеко идущих проектов, основанных на планах, которые он сам же должен создавать» [The British... 1937. P. 19]. Этим проектам предшествуют основательные изыскания и исследования, в которых чиновники прибегают к помощи сторонних профессионалов через такие неопределимые институты, как ведомственные комиссии и Королевская комиссия, а также по множеству других более постоянных каналов. Качество официальных отчетов теперь настолько высокое, что большинство из них могло бы выдержать самую суровую академическую проверку, какую мог бы обеспечить университет; ведь они являются плодом того же профессионального духа, который пронизывает работу самих университетов. Будь это не так, было бы чистым фарсом просить комиссию исследовать причины нынешнего распределения промышленного населения и вероятное направление его изменения в будущем и доложить о социальных, экономических

и стратегических недостатках сосредоточения промышленного населения в отдельных ареалах¹. Широкое пробное изыскание такого рода – не политический и не административный акт. Это экземпляр крупномасштабного социального исследования.

Короче говоря, профессии социализируются, а социальное обслуживание профессионализируется. Профессии учатся не только признавать, наравне с обязательствами перед индивидуальными клиентами, свои обязательства перед обществом в целом, но и преодолевать традиционную изоляцию, отделявшую их друг от друга. Они готовы работать одной командой. Фактически, ценность командной работы была осознана в государственных службах, вероятно, раньше, чем в сферах академических социальных исследований, где она столь же необходима.

Недавний доклад британского министерства здравоохранения открывается следующим поразительным пассажем: «Умения и опыт терапевта, хирурга, акушера, эпидемиолога, архитектора, инженера, юриста, статистика, социолога, ветеринарного врача и администратора были собраны воедино, дабы сложилась наука об общественном здравоохранении, которая, таким образом, представляет собой компендиум специализированных знаний» [Annual, 1938. P. 1]. Список велик, но его легко можно бы было удвоить.

Тем временем профессии в их независимом качестве двигались в том же направлении. Можно было бы сослаться здесь на художников и отметить их возросшую готовность уделять серьезное внимание некоторым более значимым для сообщества формам искусства, театру, внутренней отделке помещений и даже коммерческим плакатам, а также их в высокой степени успешные попытки поднять уровень преподавания искусства в школах всех ступеней. Можно было бы упомянуть архитекторов, коим впервые представился шанс посвятить свои таланты проектированию домов для народа, а не только особняков для богатых, и которые недавно основали в Лондоне Школу планирования и исследований, в которой изучаются проблемы архитектора на фоне существующей социальной сцены. Можно было бы утверждать, что учителя теперь полнее представляют достоинство и ответственность своего призвания и видят себя доверенными лицами национальной службы, а не замученными «ишаками» некой безличной власти. Кстати, любопытно, что учителя и чиновники от образования по всей стране открыто осудили последний закон об образовании, который поднимает минимальный возраст выпускника средней школы до 15 лет, но позволяет отпустить ребенка из школы на «выгодную работу» в возрас-

¹ См. отчет Королевской комиссии о распределении промышленного населения (июль 1937 года).

те 14 лет. Это пример привлечения профессиональных стандартов для дискредитации трюков политических ловкачей.

Но ярче всего пример медицины. Можно привести много публичных высказываний, иллюстрирующих изменившуюся установку этой профессии. Вот простой пример из речи сэра Кайе ле Флеминга, произнесенной в июле прошлого года на ежегодном собрании Британской медицинской ассоциации. Наше напутствие студентам, говорит он, должно быть следующим: «Когда вы приступаете к практике, вы не имеете права усесться в одиночестве в своей маленькой нише, посматривая, сколько денег вы можете получить, обслуживая заболевших пациентов. Вы должны помнить, что у вас есть обязанности перед профессией в целом, перед общественностью в целом и перед государством» [British, 1938. P. 368]. Это прямой отказ от старомодного профессионального индивидуализма. Другой пример еще прямолинейнее. Это слова из президентского обращения к тому же собранию. «Я уже говорил, что это эпоха юности. Но это и эпоха планирования. *Laissez-faire*, этот принцип, столь чтимый нашими отцами, сослужил великую службу, но теперь он себя изжил. Все признаки и приметы указывают на то, что, хотим мы того или нет, в каждой области человеческой деятельности неизбежно приходит какая-то форма контроля, планирования. Нам может не нравиться эта мысль, но бесполезно плыть против течения, и от нас во многом зависит, какую форму примет этот контроль» [Ibid. P. 163].

Есть некоторые свидетельства того, что это не пустые слова. Ибо новая установка по отношению к медицинскому обслуживанию, видимо, естественно вырастает из новой установки по отношению к здоровью. В схеме Британской медицинской ассоциации для общего медицинского обслуживания нации¹ — а она сама по себе является признаком серьезных намерений — первый базовый принцип состоит в том, «что система медицинского обслуживания должна быть направлена на достижение позитивного здоровья и профилактики заболеваний не меньше, чем на избавление от недуга». Позитивное здоровье, согласно сэру Генри Брэкенбери, означает «не только отсутствие болезни, но и благополучие в действительном и определенном смысле слова», и медицина, стремясь к нему, должна быть нацелена на «конструктивное улучшение и совершенствование общественного и персонального здравоохранения» [Brackenbury, 1937. P. 125–126]. Позитивное здоровье не есть нечто такое, что ясно и конкретно ощущается индивидом и ради чего он может обратиться к врачу за предписаниями так, как он обращается к нему за предписаниями при боли или температуре.

¹ См. брошюру с этим названием, опубликованную ассоциацией в 1938 году.

Обычному человеку возможности здоровья неведомы. А коль скоро позитивное здоровье мыслится в терминах улучшения условий жизни в сообществах, оно предполагает лечение не только физической, но и социальной среды, возможно, изменение в социальных привычках, просвещение в искусстве жизни. Позитивное здоровье, в сущности, является идеалом, который может быть определен только в связи с идеальным обществом. Возможно, это звучит высокопарно. Но я не претендую на констатацию свершившегося. Я только пытаюсь описать устремление.

В этом выступлении я несколько не намеревался обелить профессии. Их промахи и недостатки бесчисленны. Я хотел лишь выдвинуть три утверждения. Во-первых, профессионализм — это идея, базирующаяся на реальном характере ряда услуг. Это не хитроумное изобретение эгоистических умов. Во-вторых, индивидуалистический крен основных профессий был продуктом обстоятельств. Он не был краеугольным камнем всей постройки. В-третьих, профессии сегодня отходят от этого чрезмерного индивидуализма и адаптируются к новым стандартам социального обслуживания. Это изменение стимулировалось внешним давлением, но профессии внесли в него и свой самостоятельный вклад, способствуя созданию влияний, на которые они сами, в свою очередь, реагируют.

Остается еще тема социальной структуры, обозначенная в заглавии этой статьи, но рассмотреть ее здесь мы можем лишь в самых общих чертах. Самой очевидной тенденцией было ослабление аристократических предубеждений против торговли и вытекающей отсюда амальгамации высших слоев в мирах бизнеса и профессий. Но общество все еще остается несколько привередливым в выборе коммерческих позиций, которые оно почитает джентльменскими, и бросается в глаза то, что в социальных целях оно предпочитает наделять почетным рангом профессий как раз те деловые карьеры, которые по своему характеру дальше всего отстоят от профессионального идеала, будучи в наибольшей мере привязанными к денежным ценностям, денежным выгодам и спекуляции. Если бы кто-то задумался о вероятном объединении сил в случае будущего кризиса, он бы обратил внимание на это социальное сродство между высшими рангами некоторых профессий и финансового капитализма и рискнул бы предположить, что капиталистические интересы будут доминировать в этой группе.

Но на нижнем социальном уровне картина иная. Здесь примечательно быстрое распространение форм профессиональной организации в родах занятий (occupational groups), не являющихся профессиями в полном смысле слова. Формами, которые такие группы могут принимать, являются признанные курсы обучения специализирован-

ной технике, средства проверки овладения этой техникой, прием лиц, обладающих надлежащей квалификацией, в ассоциацию, выстраивание престижа ассоциации в противовес тем, кто в ней не состоит, навязывание определенных стандартов добросовестной работы и начатков этического кодекса. Фундаментом всей структуры является специализированная техника, и именно умножение подобного рода техник сделало возможным распространение этих организаций. Короче говоря, в нефизическую рутинную работу, такую, как работа секретаря, бухгалтера, экономического статистика, изготовителя рекламы, конторского управляющего, проникли научные методы. Эти техники, по старым меркам, не относятся к числу профессиональных. Они не требуют творческой оригинальности, как в случае художника и ученого, и не должны быть связаны с умением трезво судить о людях и со способностью внушать доверие к своему характеру и личности, как в случае адвоката и врача. Они требуют точности и эффективности по ряду установленных параметров. Фактически, это умственный эквивалент ручного ремесленного труда средних веков, и они таким же образом втягиваются в учреждение полупрофессиональных ассоциаций. Но во многих отношениях эти группы неотличимы от огромной массы получающих жалованье работников торговли и промышленности, белых воротничков из среднего класса. Эти работники далеки от духа того, что Веблен называл «денежными и деловыми занятиями». Они не орган капитализма, а всего лишь его инструмент. Им мало свойственно переживание тех мотивов и стимулов, которые, как считается, заставляют капитализм работать — или не работать, что тоже возможно. Нет никаких идеологических препятствий для их профессионализации, и если они не профессионализируются, то будут, как часто говорят, пролетаризированы. В сегодняшней Англии присутствуют признаки того, что в будущем мы увидим укрепление и консолидацию среднего класса на основе современного типа полупрофессионализма.

Важно отметить влияние этих изменений на социальную мобильность. Организованная профессия принимает новичков посредством беспристрастной проверки их знаний и способностей. Теоретически, они отбираются по их достоинствам, но это достоинства особого рода, которые обычно должны быть развиты и выражены особым предписанным образом. Узкая дорога в профессию пролегает через определенные образовательные учреждения. Насколько это благоприятствует социальной мобильности, зависит от того, доступны ли эти учреждения массам, чтобы эти достоинства могли получить признание во всех классах. При условии расширения образовательной лестницы, типичного для современных демократий, система официального экзамена более благоприятна для мобильности, чем система произвольного

назначения на должности или случайного продвижения. Но шанс подняться приходит рано, в школьные годы. Как только он упущен и карьера началась на непрофессиональном уровне, вся система формальных квалификаций делает восхождение на последующих этапах почти невозможным.

Есть еще и другой момент. В церкви или армии, в праве или медицине человек, стоящий во главе своей профессии, находится на вершине мира. Он не признает никакого вышестоящего начальства. Однако многие из этих новых полупрофессий реально являются подчиненными ступенями, размещенными в средних слоях иерархии современной деловой организации. Образовательная лестница приводит сюда, но нет лестницы, которая выводила бы отсюда. На вышестоящую ступень ведет иная дорога, начинающаяся на другом уровне образовательной системы.

Социальная структура, насколько в ней отражается структура родов занятий, застывает сразу, едва только появляется из текучей подготовительной стадии обучения. Межпоколенная мобильность повышается, но мобильность в течение трудовой жизни одного поколения уменьшается. Таким оказывается направление, в котором всё сегодня движется, и оно ведет к переносу духа индивидуального соперничества из экономического мира в мир образовательный, из офиса и цеха в школу и университет.

Этой среднеклассовой группе низших профессий и занятий, приносящих жалованье, присуще много общих черт. Интересы ее членов являются скорее техническими и административными, чем финансовыми и спекулятивными. Их состояния связаны не с прибылями, а с наймом, и если, как утверждал Веблен, капитализм неизбежно приносит последний в жертву первым, то они должны относиться к капитализму неприязненно. Конкурентные аспекты концернов, в которых или на которые они работают, едва ли их затрагивают, а конкуренция в их частных жизнях, как мы только что увидели, смягчается распространением профессионализма. Их сокровенное желание — гарантированное наслаждение тем статусом, который им принесло их образование. Следовательно, социализм ничем не сможет их напугать, если они избавятся от страха перед самим этим словом, но коммунизм им ненавистен, ибо означает крах их среднеклассового статуса. Если — а это представляется вероятным — они уклонятся от альянса с рабочими, то к кому они обратятся в поисках руководства? Вероятно, не к своим капиталистическим работодателям и клиентам. И, как мне думается, не к тому конкурентному профессионализму, воплощенному в фигурах врача-специалиста, успешного барристера и модного архитектора, который слишком тесно сроднился с финансовым миром. Естественное мес-

то, которое они могут для себя искать, находится в том, что можно назвать административным профессионализмом — профессионализмом того типа, который мы описали, обсуждая социальные службы. Удивительно, что Веблен не уделил больше внимания этой категории занятий. Он разоблачал деструктивную деятельность бизнеса, направляемую заинтересованностью в «продаваемости товара, а не в его способности удовлетворять человеческие потребности» и реализующую ту «ткань притворства», которая именуется кредитом и финансами. Он обратился за спасением к реализму инженера, «обученного упрямой логике технологии» и считающего, что «не является реальным ничто, что нельзя выразить в терминах осязаемого исполнения» [Veblen, 1921. P. 75]. Но инженер, даже будучи реалистом, не в состоянии судить о человеческих потребностях. Нельзя исходить из посылки, что благу человека будет способствовать предоставление человеку всего того, что делает возможным машинерия. Как отметил в обзоре одной из книг Веблена проф. Дж. М. Кларк, никто так до сих пор и не показал, «каким образом социальная эффективность может быть выстроена на одном только техническом базисе». Прогресс «требует эволюции нашей системы ценностей, а не “технократии”, которая игнорирует ценность» [Dorfman, 1934. P. 491]. Веблен должен был поместить профессии в целом в то положение, которое он отвел инженерам. Профессионалы тоже реалисты, они относительно свободны от духа «денежных и деловых занятий», и, вдобавок к тому, именно их делом является изучение человеческих потребностей и конструирование шкалы человеческих ценностей. Социальная эффективность, в отличие как от деловой эффективности, так и от механической эффективности, должна быть и все более становится их целью. Несмотря на все их недостатки, именно от них, более чем от кого бы то ни было, зависит нахождение для больных и страдающих демократий мирного решения их проблем.

Список литературы

- Annual report of the Chief Medical Officer of the Ministry of Health for 1937.* L., 1938.
- Brackenbury H.* Medical progress and society // R. B. Cattell, J. Cohen, and R. M. W. Travers (eds). Human affairs. L.: Macmillan, 1937.
- British medical journal (supplement).* 1938. 13 August.
- Carr-Saunders A. M., Wilson P. A.* The professions. Oxford: Clarendon Press, 1933.
- Dorfman J.* Thorstein Veblen and his America. N. Y.: Viking Press, 1934.
- Durrant W.* The lawyer, our old-man-of-the-sea. L.: K. Paul, Trench, Trübner, 1913.
- Durant H. V.* The problem of leisure. L., 1938. Ch. I.
- Laski H.* The decline of the professions // Harper's monthly magazine. 1935. November.

Neurath O. Zur Anschauung der Antike über Handel, Gewerbe und Landwirtschaft // Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik. Jena, 1906. Bd. 87.

Smith A. An inquiry into the nature and causes of the wealth of nations / E. Cannan (ed). 5th ed. L., 1930. Vol. I. (Рус. пер.: *Смит А.* Исследование о природе и причинах богатства народов. М.: Соцэкгиз, 1962.)

Spencer H. The principles of sociology. L., 1896. Vol. III, pt. VII. (Рус. пер.: *Спенсер Г.* Основания социологии. Спб.: тип. И. Н. Скороходова, 1898. Т. I–II.)

The British civil servant / W. A. Robson (Ed.). L., 1937. P. 19.

The engineers and the price system. N. Y.: B. W. Huebsch, 1921.

Veblen T. The theory of business enterprise. N. Y.: Charles Scribner's Sons, 1904.

Томас Хэмфри Маршалл
британский социолог и исследователь социальной политики,
преподавал в Тринити-колледже (Кембридж, 1919–1925),
в Лондонской школе экономики на факультете социологии (1925–1956),
директор департамента социальных наук ЮНЕСКО (1956–1960)
(Пер. с англ. В.Г. Николаева)
